

УДК 94(73)"1979"

doi 10.17072/2219-3111-2023-2-70-83

Ссылка для цитирования: Юнгблюд В. Т., Сенников А. И. США в поисках ответа на иранский вызов: курдский кейс, ноябрь – декабрь 1979 года // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2(61). С. 70–83.

США В ПОИСКАХ ОТВЕТА НА ИРАНСКИЙ ВЫЗОВ: КУРДСКИЙ КЕЙС, НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 1979 ГОДА¹

В. Т. Юнгблюд

Вятский государственный университет, 610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36

valerteod@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2706-3904

ResearcherID: J-8665-2016

Scopus Author: 57189852953

А. И. Сенников

Вятский государственный университет, 610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36

usr12154@vyatsu.ru

ORCID: 0000-0001-9329-2839

ResearcherID: I-4292-2018

В результате захвата в ноябре 1979 г. американского посольства в Тегеране сторонниками верховного лидера Исламской Республики Иран аятоллы Р. Хомейни США утратили шансы на быстрое восстановление своих позиций на Среднем Востоке. В этих условиях американское правительство и его аналитические структуры стали искать инструменты влияния и давления на исламский режим. Одним из потенциальных рычагов американской политики мог стать курдский фактор. Потенциал иранских курдов с точки зрения противодействия режиму Хомейни, их управляемости и соответствия их борьбы интересам США стал предметом аналитической работы государственных служб. В статье рассмотрено место курдского вопроса в поисках ответов США на вызовы иранского кризиса. На основе широкого круга документов национального архива США, президентской библиотеки Дж. Картера, Государственного департамента, Центрального разведывательного управления и Совета национальной безопасности США прослеживается ход выработки политики в отношении Ирана и позиции в отношении национального движения иранских курдов. Также рассмотрены контекст региональной политики и влияние афганского вопроса на иранский курс Вашингтона. В результате выработки решений возобладала линия госсекретаря С. Вэнса, требовавшего воздержаться от активных агрессивных действий в отношении Ирана, игнорировать курдское движение. Влияние оказал и ввод советских войск в Афганистан, кардинально изменивший политическую ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке.

Ключевые слова: США, Исламская Республика Иран, курдский вопрос, Афганистан, заложники, тайные операции.

Введение

Исламская революция в Иране 1979 г. оказала серьезное влияние как на внешнюю политику США, так и на международные отношения в регионе Персидского залива. Обвал американо-иранских отношений, кульминацией которого стал захват посольства США 4 ноября 1979 г., заставлял Вашингтон искать различные пути противодействия новому режиму и использовать в этих целях потенциал движений этнических меньшинств. Изменение подходов руководства США к взаимодействию с иранскими (и отчасти иракскими) курдами в период между двумя пиковыми моментами политического процесса на Ближнем и Среднем Востоке – захватом посольства в Тегеране и вводом советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г. – представляется значимым фактором формирования долговременной стратегии Вашингтона в этом регионе.

Для зарубежной историографии этих событий характерна фокусировка на двух ключевых аспектах: 1) попытках американского руководства наладить сотрудничество с теократическим

режимом в Тегеране в феврале – октябре 1979 г.; 2) реакции администрации Картера на захват посольства и попытках противодействия Ирану посредством тайных операций или открытой интервенции в ноябре 1979 – апреле 1980 г. [Becoming Enemies..., 2014; Emery, 2013; Gasiorowski, 2012; Zegart, 2022]. Особняком стоит курдский вопрос, изучение которого концентрируется либо непосредственно на курдском движении за автономию (или независимость), либо на внутрииранском политическом диалоге [Bozarstan, 2021; Cabi, 2020; Ezzatyar, 2016; Gunter, 2020; Hassaniyan, 2021; McDowall, 2021], в то время как вопросы американо-курдских взаимоотношений зачастую остаются за рамками рассмотрения.

В отечественной историографии проблема влияния Вашингтона на политический процесс в Иране в 1979 г. была поставлена практически одновременно с победой исламской революции [Агаев, 1986; Беляев, 1980; Кременюк, 1984], тем не менее различные аспекты американских действий (особенно по курдскому вопросу) остаются малоизученными, и российские историки только начинают прокладывать путь в этом направлении [Муртазаева, 2012; Рабуш, 2021]. Настоящее исследование продолжает авторские работы, посвященные проблематике американо-иранских отношений и вовлеченности США в курдскую проблему на Ближнем и Среднем Востоке [Воробьева, Юнгблюд, 2016; Воробьева, Юнгблюд, 2019; Сенников, 2019; Сенников, 2020]. Статья подготовлена на основе документов Государственного департамента, Центрального разведывательного управления (ЦРУ), Совета национальной безопасности (СНБ), президентской библиотеки Дж. Картера и национального архива США.

Иранские курды в политике США накануне кризиса

Как показывают отечественные и зарубежные исследования, администрация Картера с февраля 1979 г. шла курсом нормализации отношений с Тегераном. К осени стали намечаться тенденции к возрождению американо-иранского сотрудничества в экономической и военной областях, что порождало несколько завышенный оптимизм в американском руководстве [Воробьева, Юнгблюд, 2019, с. 6–7; Gasiorowski, 2012, р. 619–620].

Импульс революции вызвал активизацию политических движений различного толка на всем пространстве Ближнего Востока, в том числе привел к новому витку курдского национально-освободительного движения в историческом Курдистане (наиболее сильно – в Иране и Турции). Первоначально американцы противодействовали этому, особенно в среде относительно лояльных Вашингтону иракских курдов (Documents from the US Espionage Den..., 1979, р. 65–70). Иранские курды с августа 1979 г. находились в затяжном конфликте с центральными властями Ирана [McDowall, 2021, р. 412–413], чему американское правительство изначально также не сочувствовало (NARA. E.O. 12065. RDS-4 8/2/99. August 3, 1979, р. 2–4; DoSA. F-2009-09811. C17614078. August 18, 1979, р. 2).

Критическим моментом для американской политики на иранском направлении стало прибытие свергнутого в феврале иранского шаха М. Р. Пехлеви в США 22 октября 1979 г. (Carter, 1982, р. 455; Vance, 1984, р. 369–370) [Агаев, 1986, с. 16, 29; Кременюк, 1984, с. 120]. Несмотря на протесты иранской стороны, Вашингтон отказался обсуждать будущее шаха с исламским режимом. Ввиду немалых заслуг Пехлеви перед США и сохранившихся личных и деловых связей, авторитетные лица из американского истеблишмента (в первую очередь Д. Рокфеллер, бывший госсекретарь Г. Киссинджер и действовавший советник президента по национальной безопасности З. Бжезинский) категорически возражали против уступок официальному Ирану в этом вопросе (Brzezinski, 1983, р. 472–473; Carter, 2011, р. 364, 372; FRUS, 2020, р. 3–4; Sick, 1985, р. 208–211).

Захват американского посольства в Тегеране: начало кризиса

4 ноября произошел захват американского посольства². Это событие привело к отставке умеренного правительства М. Базаргана, с которым американцы надеялись договориться (Carter, 2011, р. 368). У руля государства безраздельно утвердились представители исламского движения. Аятолла Хомейни назвал произошедшее «второй исламской революцией» [Агаев, 1986, с. 29–30]. Захват заложников в Тегеране обозначил крупный провал американской политики на Ближнем и Среднем Востоке, стал серьезным вызовом и требовал адекватного ответа.

Администрация Картера оказалась в сложной ситуации, испытывая давление со стороны бурноотреагировавшего на ноябрьские события американского общества. Одновременно при-

ходилось учитывать и другие обстоятельства: позицию руководства СССР, заявившего, что не останется в стороне, если произойдет военное вмешательство США в дела Ирана; непредсказуемый курс самого Тегерана, ужесточившего антиамериканскую риторику и в качестве условия для освобождения заложников потребовавшего выдачи шаха; действия ближневосточных режимов, равно опасавшихся как распространения исламской революции, так и пассивного поведения американского руководства в случае начала регионального конфликта. Обстановка усугублялась продолжавшимся внутренним конфликтом в соседнем Афганистане (FRUS, 2020, р. 4–5) [Воробьева, Юнгблюд, 2019].

Политический цугцванг привел к образованию в Белом доме двух лагерей, выступавших либо за решительные меры («ястребы») – вплоть до военной интервенции, либо за дипломатическое урегулирование за столом переговоров («голуби») (Brzezinski, 1983, р. 49, 500; Jordan, 1982, р. 43–44; Sick, 1985, р. 279–280; Vance, 1984, р. 399) [Emery, 2013, р. 140–141]. Президент Картер занял промежуточную позицию, отразившуюся на первых шагах правительства: были введены экономические санкции, наложено эмбарго на поставки вооружений и импорт иранской нефти, заморожены финансовые активы иранского правительства в американских банках. Одновременно началось усиление американской военно-морской группировки в Персидском заливе [Кременюк, 1984, с. 122–123; Zegart, 2022, р. 177–178]. Как отметил директор ЦРУ С. Тёрнер: «Администрация Картера, несмотря на свою приверженность правам человека и сомнениям в этичности тайных операций, легко и быстро обратилась к приемам спецслужб, чтобы отреагировать на некоторые из этих деспотических действий [захват заложников в Иране, ввод советских войск в Афганистан. – В. Ю., А. С.]» (Turner, 1985, р. 87).

«Ястребов» возглавил З. Бжезинский, считавший происходящие в Иране события ударом по престижу США. Он апеллировал к угрозе появления международного прецедента, которому смогут последовать иные недружественные Вашингтону режимы, и полагал главным выгодоприобретателем от происходящих событий Москву [Glad, 2009, р. 179]. Бжезинский направил аналитический потенциал СНБ и ЦРУ на разработку планов противодействия исламскому режиму и потенциальной советской угрозе.

Администрация Картера и тайные операции

Важным препятствием на пути организации секретных операций были правовые акты, принятые после скандалов вокруг разведки в 1974–1976 гг. В частности, поправка Хьюза–Райана к Закону об иностранной помощи (1974 г.) ограничила полномочия правительства и расширила прерогативы Конгресса по контролю над деятельностью разведки. В процедуру санкционирования расходов ЦРУ на тайные операции было включено обязательное подписание президентом соответствующего «заключения» (findings) о том, что планируемая операция важна для национальной безопасности (FRUS, 2018, р. XL–XLII; FRUS, 2020, р. XLIV).

13 мая 1977 г. распоряжением Картера для подготовки рекомендаций по разведывательным действиям при СНБ создавался Специальный координационный комитет (СКК) из ведущих министров американского правительства³. Информацию для СКК должна была готовить межведомственная рабочая группа⁴ во главе с заместителем советника президента по национальной безопасности Д. Аароном, ответственным за координацию действий СНБ и разведки.

В январе 1978 г. было достигнуто взаимопонимание между Белым домом и Конгрессом относительно «президентских заключений», которые делились на два вида: «перспективы» (Perspectives) и «меморандум об уведомлении» (Memorandum of Notification). «Перспективы» касались операций с низким уровнем риска и не требовавших существенных затрат, содержали самую общую информацию и акцентировали внимание на достижении конкретных целей (или выгод для государства). Документы разрабатывались экспертами ЦРУ и проходили проверку в Государственном департаменте, который оценивал дипломатические риски операций, их соответствие общему вектору внешней политики. Такие документы не требовали подписи президента и могли быть предоставлены аппаратом СНБ любому уполномоченному органу американского парламента в течение 48 часов (United States Foreign Intelligence Activities, 1978, р. 194–199).

«Меморандумы об уведомлении» использовались для операций с высоким риском, географически или политически специфичных и высокочатратных. В них могла содержаться подробная информация о целях, методах и предполагаемых рисках. Документы готовились экспертами ЦРУ под надзором СКК, а затем утверждались советником по национальной безопасности

и подписывались президентом. В силу особой значимости отдельных частей таких документов, доступ к ним имел ограниченному кругу лиц из специализированных комитетов палат Конгресса по согласованию с президентом (Ibid., p. 200–214). После ноябрьских событий в Тегеране все «президентские заключения» касательно иранских дел стали идти под грифом «меморандумов об уведомлении»⁵.

Существовала лазейка, позволявшая ЦРУ обойти поправку Хьюза–Райана: в Законе о военных полномочиях президента (1973 г.) утверждалось, что управление может оказывать поддержку операциям других ведомств, открыто аффилированных с правительством США. Именно такая конструкция в дальнейшем была использована при подготовке американской разведкой спасательной операции в апреле 1980 г. (FRUS, 2020, p. 110).

Американская аналитика по курдскому вопросу на начальном этапе кризиса

Массовые выступления в пользу активных действий и решительный настрой многих законодателей, среди которых оказалось немало сторонников расширения непубличной активности США в Иране, создавали благоприятную почву для лоббирования на Капитолийском холме тайных операций. В этом контексте в поле зрения законодателей оказалось движение курдов, наиболее авторитетными спонсорами которого были сенаторы У. Проксмайер (дем., Висконсин), Дж. Джавитс (респ., Нью-Йорк), Э. Кеннеди (дем., Массачусетс), Г. Джексон (дем., Вашингтон), а также конгрессмены Т. Дэшл (дем., Южная Дакота) и Р. Майкл (респ., Иллинойс) (CR. 1979. Vol. 125. Pt. 3, p. 298, 479; Pt. 18, p. 394–395, 577; Pt. 21, p. 500; Pt. 24, p. 611; Pt. 26, p. 62, 621–622, 622, 854; *Kurdish Question in U.S. Foreign Policy*, 2006, p. 32–34). Они апеллировали к угнетенному положению курдов, их сильным проамериканским настроениям, значительному протестному потенциалу, а также долгу Америки перед ними за игнорирование их бедствий в прошлом.

В аналитической работе аппарата Белого дома курдской теме было уделено внимание уже на следующий день после захвата заложников. 5 ноября курды были упомянуты в экспертном обзоре СНБ в контексте точек нестабильности Ирана. Утром 6 ноября прошло заседание СКК, на котором обозначились две полярные позиции – Бжезинского и государственного секретаря С. Вэнса. В итоговом отчете было отмечено, что Комитет не видит возможности для широкомасштабной интервенции без риска для жизни заложников. Упомянулась возможность ограниченной спасательной операции силами военных. Одним из возможных вариантов ответа на иранские действия было названо возобновление прямой поддержки курдов (FRUS, 2020, p. 6, 8–10). Позднее в тот же день в СНБ при участии Картера были обсуждены и утверждены инструкции для специальных эмиссаров, направляемых в Тегеран для переговоров о судьбе заложников, в которых говорилось, что США придерживаются принципа территориальной целостности Ирана и не причастны к волнениям в Иранском Курдистане (Ibid., p. 14).

7 ноября СКК собрался вновь для того, чтобы согласовать подготовленный директором ЦРУ Тёрнером «меморандум об уведомлении», позволявший «использовать агентов влияния» для «обеспечения благополучия граждан США в Иране» (JCPL. National Security Affairs, Staff Material, Middle East File, Box 142, Chron File, Sick 11/1/79–11/15/79, p. 22). Разведка получала карт-бланш на информационную работу с любыми оппозиционными группами, но не на прямое их спонсирование и вооружение. В то же время под давлением госсекретаря Вэнса было принято решение на уровне дипломатических ведомств не расширять контакты с бывшими иранскими военными и диссидентами, в том числе курдами, до прояснения обстановки (FRUS, 2020, p. 29).

По дипломатическим каналам в Вашингтон поступала информация о том, что иранские военные готовы организовать «контратаку [против режима Хомейни. – В. Ю., А. С.] через Курдистан» (Ibid., p. 29). Такое заявление, в частности, сделал иранский генерал-диссидент Ф. Джам в беседе с американскими дипломатами в Лондоне. Он доверительно сообщил о сохранившихся у него связях среди иранских курдов и убеждал Вашингтон оказать им поддержку (NARA. Central Foreign Policy Files, created 7/1/1973 – 12/31/1979, documenting the period ca. 1973 – 12/31/1979 – Record Group 59. Electronic Telegrams, 1979. P840175-1684, N790008-0672, November 13, 1979, p. 2; DoSA, F-2009-01115, Z43151938, November 15, 1979, p. 3–5). В инструкциях посольству в Лондоне, подготовленных помощником госсекретаря по делам Ближнего Востока и Южной Азии Х. Сондерсом, предписывалось не вступать ни в какие контакты с курдскими диссидентами (NARA. Central Foreign Policy Files, created 7/1/1973 – 12/31/1979, do-

cumenting the period ca. 1973 – 12/31/1979 – Record Group 59. Electronic Telegrams, 1979. E.O. 12065: GDS 11/13/79. November 13, 1979, p. 1). На заседаниях СКК Вэнс следующим образом обосновывал позицию своего ведомства: «Мы не сможем заставить курдов сделать что-то большее чем то, что они делают сейчас, а любые контакты с ними будут расценены как доказательство враждебных намерений [США в отношении Ирана. – В. Ю., А. С.]» (FRUS, 2020, p. 57).

Иного мнения придерживались аналитики СНБ. В докладной записке заместителя Бжезинского, начальника отдела по делам Персидского залива Г. Сика указывалось, что Иран стоит на грани коллапса, «компетентное правительство изгнано», продолжается внутренняя борьба за власть, идет «маленькая война с курдами, в которой курды не проигрывают». Сик признавал, что в сложившихся обстоятельствах мало что можно предпринять, но призывал быть готовыми «к полному системному сбою» режима Хомейни. В дальнейшем Сик возвращался к этим оценкам и предлагал три варианта стратегии в отношении Ирана: 1) продолжение переговорного процесса для освобождения заложников; 2) подрыв внутренней стабильности режима Хомейни; 3) проведение спасательной операции (Ibid., p. 62–63, 86–88). В качестве одного из возможных инструментов реализации второго стратегического трека он называл курдский сепаратизм (Sick, 1985, p. 362).

В рамках переговорного процесса с иранской оппозицией сотрудники аппарата СНБ перехватывали контакты у Госдепартамента и сами выходили на связь с ее представителями, поддерживая диалог и изучая их возможности на случай критического развития ситуации (FRUS, 2020, p. 96–99).

Масла в огонь подливали оценки экспертов ЦРУ, указывавших на то, что любая активность США на юге Ирана может привести к симметричным действиям СССР на севере, вплоть до установления там просоветских режимов курдов и азербайджанцев по аналогии с 1945–1946 гг. (FRUS, 2018, p. 342). Аналитические материалы разведчиков суммировал выразительный пассаж о том, что политическая ситуация вокруг Ирана «умоляет о тайном вмешательстве США как единственной жизнеспособной альтернативе хаосу, враждебному политическим интересам США и инфицирующему другие нефтеносные районы Персидского залива, важные для американской экономики» (FRUS, 2020, p. 69–70).

Вашингтон положительно оценивал факт оппозиционности курдских организаций к центральной власти в Тегеране. Эксперты разведки предлагали «поддерживать движения, способные естественным образом избавить Иран от Хомейни» (Ibid., p. 71–72), в том числе и движение курдов. К сожалению, более детальные планы ЦРУ до настоящего времени не рассекречены и проанализировать курдскую составляющую в них не представляется возможным.

По запросу Бжезинского своими мыслями по иранскому кризису поделился аналитик СНБ и бывший специалист ЦРУ в области советского радиовещания П. Хенце (JCPL. National Security Affairs, Staff Material, Middle East, Subject File, Box 30, Iran: 11/28–30/79, p. 13). Главным бенефициаром от обострения обстановки, по его мнению, были левые силы. Хенце считал, что в ситуации с захватом заложников просматривается заинтересованность Москвы и предлагал проявить гибкость в отношении правых исламистов, попытаться изменить их политику, восстановить американо-иранское сотрудничество и свести на нет влияние СССР (Ibid., p. 13–14). Рассуждая о шансах на фрагментацию Ирана, он указывал на глубинный национализм, который многие века удерживал страну от распада. Вследствие этого возможность использования потенциала любых национальных меньшинств, включая курдов, в борьбе с центральной властью оценивалась скептически. События в этнических районах Ирана сравнивались с обстановкой в Конго (Заире) периода гражданской войны 1960-х гг., когда США не стали поддерживать сепаратистов провинции Катанга и от этого только выиграли. И сейчас Хенце советовал сохранять такую же поступь, поскольку дестабилизация Ирана грозила «куда более внушительными региональными катаклизмами, что и в краткосрочной, и в среднесрочной перспективе отвечало советским интересам» (Ibid., p. 14).

Еще одна точка зрения была сформулирована заместителем директора национальной разведки Р. Леманом. В его докладе президенту акцентировались воинственный настрой курдов в отношении исламского режима и их политическая беспринципность, выражавшаяся в стремлении получить поддержку с любой стороны, без разницы, «будь то СССР или США» (JCPL. Office of the Chief of Staff Files, Hamilton Jordan's Confidential Files, Iran, 11/79, Container 34b,

р. 33). Леман отмечал, что разжигание гражданской войны в Иране может быть выгодно США, поскольку такое развитие событий ограничит «экспорт исламской революции в соседние страны южного направления» и приведет к «разрыву связей на северном направлении [т.е. с СССР. – В. Ю., А. С.]». Но для того, чтобы эти выгоды стали ощутимыми, требовалось, чтобы внутренний конфликт «можно было поддерживать бесконечно, независимо от комбинаций политических сил» (Ibid., p. 34).

Положение иранских курдов на момент кризиса

В самом Иране, в частности в останах⁶ Западный Азербайджан и Кордестан (Иранский Курдистан), положение было беспокойным. В феврале 1979 г. курды поддержали исламскую революцию, но с течением времени между ними и новой властью стала нарастать напряженность, местами выливавшаяся в вооруженные столкновения. Сторонам удавалось несколько раз договориться о прекращении огня, но после этого конфликты всегда возобновлялись.

В августе 1979 г. в результате переговоров между лидером одной из суннитских фракций курдского движения А. Мофтизаде и аятоллой М. Талегани сторонам удалось договориться об умиротворении курдских претензий на автономный статус. В том же месяце прошли выборы в иранский меджлис, в результате которых депутатом от Кордестана был избран лидер Демократической партии Иранского Курдистана А.-Р. Касемлу. Однако фетвой аятоллы Хомейни он был отстранен от участия в деятельности меджлиса. Начался новый раунд боевых действий, в котором курдам удалось сдержать слабомотивированную иранскую армию. К октябрю 1979 г. ситуация зашла в тупик, и стороны вновь согласовали прекращение огня до декабря [Cabi, 2020, p. 353–354; Ezzatyar, 2016, p. 139–140]. Война в Курдистане стала постоянно действующим фактором политической жизни страны. Курдские организации копили силы для затяжного противостояния с исламским режимом, но сами они продолжали оставаться разобщенными.

Несколько курдских групп в Северном Иране, с точки зрения американских экспертов, представляли интерес для США в качестве потенциального противовеса теократическому режиму. Первая соединяла партии и организации секулярного толка, которые выступали в зависимости от обстоятельств за автономию или отделение Иранского Курдистана, в массе были ориентированы на СССР, некоторые – на баасистский Ирак, имели связи с турецкими курдами (Рабочей партией Курдистана), при этом не отвергали возможность сотрудничества с США. К ним можно отнести ДПИК во главе с Касемлу, курдскую партию социалистического толка «Комала-е Кордестан», курдские фракции Народной партии Ирана («Туде»), Организации партизан-федаев иранского народа (ОПФИН) и ряд других [Hassaniyan, 2021, p. 83–84]. Часть этих сил состояла в кооперации с Парижской координационной группой иранской оппозиции, через которую на них имели выход Госдепартамент и ЦРУ (FRUS, 2020, p. 145, 259).

Вторая группа объединяла представителей курдского исламского движения, которые частично солидаризировались с всеиранским исламским движением, приветствовали исламизацию государственного управления и общественной жизни, но выступали за предоставление особых прав национальным меньшинствам (курдам, азербайджанцам, лурам, бахтиарам, белуджам и др.). После февраля 1979 г. в этой среде было два крупных лидера: шейх И. Хосейни и муфтий А. Мофтизаде [Hassaniyan, 2021, p. 82]. Однако последний после августовских событий оказался в двойной опале – и со стороны курдских сил, и со стороны исламского режима [Ezzatyar, 2016, p. 137–138, 146]. С сентября 1979 г. единым духовным лидером курдской оппозиции считался шейх Хосейни.

И секулярные, и религиозные группы открыто ставили под сомнение целесообразность захвата американских заложников, а шейх Хосейни подчеркивал «псевдо-анти-империалистический» характер этой акции [Agaev, 1986, с. 80], что не осталось без внимания в Вашингтоне.

Существовали также сохранившие промонархический настрой местные феодально-племенные кланы иранских курдов, потенциально способные действовать в интересах американской политики, но они, как правило, занимали выжидательную позицию, рассчитывая встать на сторону победителя (Interview with Michael Metrisko, August 26, 1999, p. 86).

Помимо иранских курдов, была еще одна значительная курдская группа: курды-беженцы из Иракского Курдистана, участвовавшие в восстании Муллы Мустафы Барзани в 1961–1975 гг. и ушедшие со своим вождем в изгнание в Иран. Их ядро составляли сторонники Демократической партии Курдистана (ДПК), объединявшей иракских курдов, внутри которой про-

изошел раскол. Значительная часть ее членов сохранила преданность председателю партии Мустафе Барзани (скончался в США в марте 1979 г.) и его сыновьям и политическим наследникам Идрису и Масуду.

До ноября 1979 г. в рамках ДПК соседствовали два не конфликтовавших друг с другом направления. Тем не менее в вопросах стратегии и выбора союзников между ними единства не было. Некоторое время возможности ориентации либо на США, либо на Иран рассматривались как равноценные. После ноябрьских событий 1979 г. альтернатива исчезла, выбор был сделан в пользу режима Хомейни [Сенников, 2020, с. 97]. В Вашингтоне, однако, не сразу заметили смену вектора и продолжали рассчитывать на последователей Барзани. Факты контактов между иранской властью и иракскими курдами, а также участие последних в акциях исламского режима Белым домом ставились под сомнение (JCPL. Office of the Chief of Staff Files, Hamilton Jordan's Confidential Files, Iran, 1/80, Container 34b, p. 102).

Эскалация кризиса

Во второй половине ноября ситуация с заложниками обострилась, Тегеран официально заговорил о показательных судебных процессах над «шпионами» (FRUS, 2020, p. 100; IWG Sitrep No. 42, p. 1). При этом имелись ввиду все захваченные американские дипломаты, хотя открыто обвинения в шпионаже были предъявлены только двум сотрудникам – М. Метринко, лично встречавшемуся с оппозиционными иранскими лидерами, в первую очередь с курдами, и начальнице политической службы посольства Э. Свифт (FRUS, 2020, p. 142).

Американские власти открыто заявили, что в случае проведения подобного трибунала, будет военный ответ (Public Papers of the Presidents..., 1980, p. 2141–2142). В качестве мер, которые Вашингтон был готов предпринять в условиях эскалации ситуации, рассматривались экономические санкции (вплоть до одностороннего объявления дефолта в Иране), военные удары по территории исламской республики, полномасштабное вторжение (FRUS, 2020, p. 120–124).

19 ноября Тёрнер доложил о вероятности эскалации президенту Картеру (Memorandum for President from Stansfield Turner with Attached Evaluations “If the Shah Leaves the US”, 19 November 1979), а 20 ноября по запросу Белого дома он представил доклад (отдельные части которого были подготовлены 16–19 ноября) о военном потенциале Ирана и его способности противостоять внутренним и внешним угрозам, в том числе курдскому восстанию (Memorandum for President from Stansfield Turner with Attached Evaluations “Status of Iranian Forces”..., 20 November 1979). Эксперты ЦРУ сообщали о циркулирующих среди иранских курдов надеждах на то, что разрыв американо-иранских отношений «будет предшествовать тайной или открытой американской поддержке их движения» (Impact of US Severance of Diplomatic Ties with Iran, 30 November 1979).

Опираясь на выводы ЦРУ, Бжезинский подготовил для президента план действий (Black Room Report..., 2019), согласно которому американскому руководству следовало избегать прямого вмешательства в иранские дела, поскольку это сплотило бы иранский народ вокруг исламского режима и сыграло бы на руку Хомейни. В докладе отмечалось, что «худший враг Хомейни – он сам», «он сам себя уничтожит». Вместо открытой агрессии предлагалось способствовать падению режима с помощью тайных операций и поддержки оппозиционных сил. Наиболее эффективным способом ускорить такого рода события Бжезинский считал поддержку различных меньшинств на окраинах страны и указывал, что у США есть «хорошие контакты среди племен, которые можно расширить» (Ibid.).

Картер ответил на план советника по безопасности уклончиво. Чтобы минимизировать риски и не создавать дополнительные очаги разногласий внутри администрации (Вэнс возражал против любых операций до тех пор, пока заложникам не причиняют вреда), президент решил прислушаться к доводам главы аппарата Белого дома Х. Джордана, который со ссылками на экспертов по Ирану и исламскому миру призывал отложить любые активные действия на вторую половину декабря (FRUS, 2020, p. 136; JCPL. Office of the Chief of Staff Files, Hamilton Jordan's Confidential Files, Iran, 11/79, Container 34b, p. 38).

В Тегеране, в свою очередь, не стали воплощать в жизнь угрозы трибунала, сосредоточившись на пропагандистской кампании против американского империализма (IWG Sitrep No. 45, p. 1; IWG Sitrep No. 46, p. 1; Khomeini Accuses U.S. and Israel Of Attempt to Take Over Mosques, 1979). Тема трибунала впоследствии будет периодически подниматься Тегераном и использоваться как рычаг давления вплоть до сентября 1980 г. Иранские курды на фоне внеш-

неполитического давления и личного призыва Хомейни к переговорам сбавили антиправительственную активность (Iranian-Kurdish Confrontation Relaxes, 1979).

В качестве контрмеры 24 ноября Картер подписал «заключения», утверждавшие предложенную ЦРУ и одобренную СКК программу контрпропаганды, позволявшую, помимо прочего, проводить информационную работу с потенциальной оппозицией режиму Хомейни (FRUS, 2020, p. 140–143).

Одним из следствий обострения кризиса с заложниками стал сдвиг в позиции о пребывании шаха в США в сторону желательности его переезда в другую страну (Carter, 2011, p. 370, 375; Memorandum for President from Stansfield Turner with Attached Evaluations “If the Shah Leaves the US”, 19 November 1979) для снижения антагонизма в отношениях с Ираном. Сам шах был согласен, но только после медицинских операций (FRUS, 2020, p. 124–125, 150).

Аналитики Госдепартамента и разведки внимательно следили за развитием ситуации в Иранском Курдистане на фоне проходившего в начале декабря 1979 г. референдума о принятии конституции исламской республики (IWG Sitrep No. 50, p. 2; IWG Sitrep No. 57, p. 2–3; IWG Sitrep No. 63, p. 1–2). Предоставленные Белому дому оценки и выводы сообщали, что территории, подконтрольные азербайджанцам и курдам, фактически выпали из-под контроля центральной власти, и поэтому голосования там не проводилось (IWG Sitrep No. 71, p. 1; IWG Sitrep No. 73, p. 1–2). В то же время отмечалось странное затишье в Иранском Курдистане, тогда как в Иранском Азербайджане и южных районах страны продолжались автономистские и антиправительственные выступления (FRUS, 2020, p. 198–199; IWG Sitrep No. 74, p. 1). После окончания срока перемирия 9 декабря 1979 г. возобновления военных действий между иранской армией и курдскими пешмерга (ополчением) не произошло, хотя шейх Хосейни и отверг предложенный Тегераном план ограниченной автономии, поскольку в нем отсутствовали указания на включение статьи об автономии в конституцию, а сам план в любой момент мог быть отозван (IWG Sitrep No. 97, p. 1–2; IWG Sitrep No. 99, p. 1–2). Суммируя эти факты, аналитики СНБ, Госдепартамента, ЦРУ и иных структур решили, что режиму Хомейни удалось найти убедительные для иранских курдов доводы не нарушать спокойствие в период проведения референдума, окончившегося принятием конституции, утвердившей верховенство духовного лидера страны – рахбара Хомейни – и окончательно закрепившей теократическую форму правления в Иране (FRUS, 2020, p. 238, 245).

В докладе Бжезинскому Г. Сик констатировал неприятный для США факт, что Хомейни сделал выводы из столкновений с курдами. Если в августе аятолла сплотил иранцев в борьбе против «империалистических марионеток» в лице курдов, то к октябрю большинство населения страны потеряло интерес к курдской проблеме. Поэтому иранские власти не стали нагнетать отношения с курдами перед принятием конституции, используя на этот раз для сплочения идею борьбы с большей угрозой – США, подняв ставки путем захвата заложников (Ibid., p. 245–246).

И все же в СНБ продолжали видеть в курдах существенную оппозиционную силу. В развитие подходов, предлагавшихся ранее Сиком и Бжезинским, 13 декабря на рассмотрение было вынесено три сценария развития событий. Наиболее вероятным считался сценарий с сохранением власти Хомейни в случае отсутствия реального вызова извне. Второй сценарий описывал вероятность переворота оппозиционными силами. Третий указывал на возможность падения режима под тяжестью внутренних проблем, усугубленных с восстаниями на окраинах (курды, азербайджанцы, белуджи), возвышением коалиции оппозиционных сил в лице умеренных исламистов (М. Шариат-Мадари, А. Мадани) и демократов-традиционалистов (М. Базарган, Ш. Бахтияр, Х. Матин-Дафтари), экономическими проблемами и разрастанием дрязг среди сторонников Хомейни. Как отмечали авторы доклада, такое развитие событий представляло бы наибольшую угрозу текущему иранскому режиму, но было осуществимо только при поддержке извне, то есть со стороны Вашингтона (Ibid., p. 258).

В ЦРУ пытались объяснить поведение курдов и сторонников Хомейни. В докладе от 14 декабря высказывалось предположение, что виновником их бездействия может быть советская сторона. Москва, чтобы укрепить «тактический союз» с Тегераном на фоне американо-иранского кризиса с заложниками, могла убедить руководство ДПИК в нецелесообразности возобновления борьбы в данный момент. В качестве аргументов приводились факты кооперации между иранскими коммунистами из «Туде» и курдскими организациями (Iran Relations with

the USSR, December 14, 1979). Оценки ЦРУ на этот счет были скорее спекуляцией, нежели реально обоснованными доводами, но сыграли на руку Вэнсу, позиция которого в отношении курдов оставалась неизменной.

Афгано-иранский трек в политике США в Иране

Параллельно иранскому кризису развивались события в соседнем Афганистане. Просоветский режим Афганистана, установившийся в результате Саурской революции 28 апреля 1978 г., к осени 1979 г. начал сталкиваться как с внутренними (фракционная борьба), так и с внешними (рост антиправительственных выступлений) проблемами. США умело использовали затруднения Кабула, стараясь подорвать его стабильность, вывести из советской орбиты влияния или способствовать втягиванию в афганский конфликт СССР [Воробьева, Юнглод, 2016, с. 109–111].

До начала кризиса с заложниками Вашингтон рассчитывал на то, что исламский режим в Тегеране будет противостоять афганскому правительству (FRUS, 2018, р. 150, 221). Американские дипломаты обсуждали с правительством М. Базаргана возможность сдерживания просоветского Кабула и объединения с этой целью Ирана и Пакистана [Gasiorowski, 2012, р. 619]. Накануне захвата заложников США вплотную приблизились к решению этой задачи, когда в Алжире встретились З. Бжезинский и М. Базарган, а в Исламабад для консультаций с пакистанским президентом М. Зия-уль-Хаком прибыл С. Вэнс [Воробьева, Юнглод, 2016, с. 112; Воробьева, Юнглод, 2019, с. 8]. Но события 4 ноября в Тегеране сорвали эти планы.

Тем не менее угроза военного вторжения США в Иран вместе с продолжавшейся и увеличивавшейся поддержкой моджахедов в Афганистане вызывала все больше опасений в Москве. В конечном итоге советское руководство приняло решение о вводе войск в Афганистан. Вашингтон добился поставленной задачи на афганском направлении, однако эти события сузили набор инструментов в противодействии Тегерану. Иранский же сегмент американской политики усложнился, поскольку режим Хомейни стал к этому моменту одним из звеньев поддержки движения моджахедов в Афганистане, сохранив при этом враждебность по отношению к Вашингтону (FRUS, 2018, р. 227, 234). Картеру желательно было разрешить иранский кризис дипломатически, чтобы сохранить потенциал Тегерана для дестабилизации соседнего просоветского государства, в то же время в его администрации не было единства по этому вопросу. Бжезинский видел в событиях в Иране и в Афганистане целостный региональный кризис, который следовало решать комплексно, жесткими методами (Ibid., р. 265–266), создавая, таким образом, объединенный афгано-иранский трек американской политики.

Выводы

Перспективы курдского национального движения в Иране в Вашингтоне во второй половине 1979 г. оценивались как «неопределенные». Большие сомнения вызывала целесообразность использования его ресурсов при проведении тайных операций ввиду их политической разрозненности и неуправляемости лидеров. Режим прекращения огня с курдами был продлен Тегераном сначала до конца декабря 1979 г., а затем до конца января 1980 г., чтобы стороны могли обсудить двусторонние предложения по решению вопроса об автономии. Вэнс использовал эту ситуацию для дезавуирования «немирных» предложений команды Бжезинского по ответу на иранские действия, с чем в принципе соглашался Картер, по крайней мере до тех пор, пока иранцы «не переходили красную линию» в отношении заложников.

Ввод советских войск в Афганистан 25 декабря 1979 г. поставил администрацию Картера в сложное положение. С одной стороны, использование СССР вооруженных сил для решения политических задач открывало для США окно возможностей по организации собственной интервенции в Иран. Но, с другой стороны, позиция осуждения Вашингтоном «советской агрессии» в отношении Афганистана лишала его морального права на проведение военной операции. В таких условиях Иран становился важным звеном американской стратегии удержания Москвы в афганском конфликте и начатой против нее информационной войны.

Вопрос о курдском движении в Иране, таким образом, на неопределенное время «повис в воздухе», поскольку основные его акторы ассоциировались американским правительством с советским влиянием в регионе, что практически устраняло их из практической реализации американских планов в отношении Ирана. При этом разведывательная деятельность, сбор информации, информационно-пропагандистская поддержка оставались активными опциями в арсенале Белого дома.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179>.

² О дипломатической и юридической подоплеке захвата заложников см. [Воробьева, Юнгблуд, 2019, с. 7–8; Кременюк, 1984, с. 109–112].

³ Номинальными его членами были советник президента по национальной безопасности, государственный секретарь, министр обороны, директор центральной разведки, председатель Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ), генеральный прокурор и директор административно-бюджетного управления (последние двое в качестве наблюдателей до января 1978 г.). Председателем был вице-президент, а в случае его отсутствия либо государственный секретарь, либо советник по национальной безопасности.

⁴ В документации Белого дома рабочая группа известна под различными названиями: «группа Аарона», «межведомственная группа», «черная палата» и «черная комната» (An Interview with Richard Lehman, 1993, p. 60; Brzezinski, 1983, p. 58, 108, 462).

⁵ С точки зрения Конгресса такое действие считалось нарушением поправки Хьюза–Райана, тем не менее никаких правовых последствий оно не имело. В октябре 1980 г. был принят закон о надзоре над разведывательной деятельностью (в рамках разрешения на разведывательную деятельность на 1981 фискальный год), который легитимизовал договоренности 1978 г., сузил правовое поле поправки Хьюза–Райана до двух комитетов по разведке (Сената и Палаты представителей) и оставлял за законодателями лишь право быть оповещенными о тайных операциях (Best, 2011, p. 2).

⁶ Остан (с перс. яз. – провинция) – административно-территориальная единица первого уровня в Иране (с 1937 г.).

Список источников

- An Interview with Richard Lehman // Center for the Study of Intelligence Archive Articles. 1993. Vol. 44, no. 3. 80 p.
- Best R. Covert Action: Legislative Background and Possible Policy Questions, December 27, 2011 // Congressional Research Service. Washington: GPO, 2011. 13 p.
- Black Room Report: Zbigniew Brzezinski Memorandum to President Carter, circa November 20, 1979 // 1979 Iran Hostage Crisis Recalled. National Security Archive Briefing Book #689 / ed. by M. Byrne. Washington: GPO, 2019. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/iran/2019-11-04/1979-iran-hostage-crisis-recalled> (accessed: 01.09.2022)/
- Brzezinski Zb. Power and Principles. Memoirs of National Security Adviser 1977–1981. N.Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1983. 587 p.
- Carter J. Keeping Faith. Memoirs of a President. N.Y.: Bantam Books, 1982. 622 p.
- Carter J. White House Diary. N.Y.: Picador, 2011. 592 p.
- Documents from the US Espionage Den, Iran Embassy. Tehran, 1979. Vol. 32. 157 p.
- Foreign Relations of the United States (FRUS). 1977–1980. Vol. VI. Soviet Union. Washington: GPO, 2013. 1009 p.
- FRUS. 1977–1980. Vol. XI. Part 1. Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Washington: GPO, 2020. 990 p.
- FRUS. 1977–1980. Vol. XII. Afghanistan. Washington: GPO, 2018. 954 p.
- Impact of US Severance of Diplomatic Ties with Iran, November 30, 1979 // Central Intelligence Agency Archive Freedom of Information Act Electronic Library (далее – CIA FOIA).
- Interview with Michael Metrinko, August 26, 1999 // The Association for Diplomatic Studies and Training Foreign Affairs Oral History Project. 279 p.
- Iran Relations with the USSR, December 14, 1979 // CIA FOIA.
- Iranian-Kurdish Confrontation Relaxes // Washington Post. 1979. November 23.
- IWG Sitrep No. 42 // National Archives and Records Administration (далее – NARA). Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.
- IWG Sitrep No. 45 // NARA Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.

- IWG Sitrep No. 46 // NARA Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.
- IWG Sitrep No. 50 // NARA Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.
- IWG Sitrep No. 57 // NARA Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.
- IWG Sitrep No. 63 // NARA Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.
- IWG Sitrep No. 71 // NARA Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.
- IWG Sitrep No. 73 // NARA Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.
- IWG Sitrep No. 74 // NARA Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.
- IWG Sitrep No. 97 // NARA Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.
- IWG Sitrep No. 99 // NARA Records of Sheldon J. Krys Relating to Iran Hostages, 10/12/1977 – 5/14/1985. Iran Working Group (IWG), Situation Reports (SITREPs). Numbers 1–528 (With Gaps). 1979–1980.
- Jordan H.* Crisis: the Last Year of the Carter Presidency. N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1982. 431 p.
- Khomeni Accuses U.S. and Israel Of Attempt to Take Over Mosques // *The New York Times*. 1979. November 25.
- Kurdish Question in U.S. Foreign Policy: a documentary sourcebook / [compiled by] Lokman I. Meho. Westport, Conn.: Praeger, 2004. 698 p.
- Memorandum for President from Stansfield Turner with Attached Evaluations “Status of Iranian Forces” (Subject #1 “Status of Iranian Ground Forces”, 19 November 1979; Subject #2 “Status of Iranian Fighter Air-craft and Air Defense Systems”, 16 November 1979; Subject #3 “Status of Iranian Navy”, 17 November 1979), 20 November 1979 // CIA FOIA.
- Memorandum for President from Stansfield Turner with Attached Evaluations “If the Shah Leaves the US”, 19 November 1979 // CIA FOIA.
- NARA. Central Foreign Policy Files, created 7/1/1973 – 12/31/1979, documenting the period ca. 1973 – 12/31/1979 – Record Group 59. Electronic Telegrams, 1979. Doc. E.O. 12065. RDS-4 8/2/99. August 3, 1979.
- NARA. Central Foreign Policy Files, created 7/1/1973 – 12/31/1979, documenting the period ca. 1973 – 12/31/1979 – Record Group 59. Electronic Telegrams, 1979. Doc. P840175-1684, N790008-0672, November 13, 1979.
- NARA. Central Foreign Policy Files, created 7/1/1973 – 12/31/1979, documenting the period ca. 1973 – 12/31/1979 – Record Group 59. Electronic Telegrams, 1979. Doc. E.O. 12065: GDS 11/13/79. November 13, 1979.
- Public Papers of the Presidents of the United States James E. Carter, Jr. 1979. Book II. Washington: GPO, 1980. 2428 p.
- Sick G.* All Fall Down: America's Fateful Encounter with Iran. London: I.B. Tauris & Co Ltd, 1985. 366 p.
- The Jimmy Carter Presidential Library (далее – JCPL). National Security Affairs, Staff Material, Middle East File, Box 142, Chron File, Sick 11/1/79–11/15/79.
- JCPL. National Security Affairs, Staff Material, Middle East, Subject File, Box 30, Iran: 11/28–30/79.

- JCPL. Office of the Chief of Staff Files, Hamilton Jordan's Confidential Files, Iran, 11/79, Container 34b.
- JCPL. Office of the Chief of Staff Files, Hamilton Jordan's Confidential Files, Iran, 1/80, Container 34b.
- Turner S.* Secrecy and Democracy: The CIA in Transition. Boston: Houghton Mifflin, 1985. 304 p.
- U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates (далее – CR). Washington: GPO, 1979. Vol. 125. Pt. 3. 1324 p.
- CR. Washington: GPO, 1979. Vol. 125. Pt. 18. 1472 p.
- CR. Washington: GPO, 1979. Vol. 125. Pt. 21. 1310 p.
- CR. Washington: GPO, 1979. Vol. 125. Pt. 24. 1322 p.
- CR. Washington: GPO, 1979. Vol. 125. Pt. 26. 1502 p.
- U.S. Department of State Archive (далее – DoSA). Case No. F-2009-01115. Doc. Z43151938. November 15, 1979.
- DoSA. Case No. F-2009-09811. Doc. C17614078. August 18, 1979.
- United States Foreign Intelligence Activities, January 24, 1978 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1978. Vol. 14, no. 4. P. 194–199.
- Vance C.* Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy. N.Y.: Simon and Schuster, 1984. 541 p.

Библиографический список

- Агаев С.Л.* Иранская революция, США и международная безопасность: 444 дня в заложниках. М.: Наука, 1986. 350 с.
- Беляев И.П.* Узел американо-иранских проблем // США: экономика, политика, идеология. 1980. № 2. С. 48–58.
- Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т.* Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 105–125.
- Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т.* США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // История. 2019. Т. 10, вып. 3 (77). DOI: 10.18254/S207987840005469-4.
- Кременюк В.А.* Борьба Вашингтона против революции в Иране. М.: Международные отношения, 1984. 176 с.
- Муртазаева Г.Р.* Иранская революция 1979 года и советско-американские отношения // Вестник Волгоград. гос. ун-та. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 2 (22). С. 84–90. DOI: 10.15688/jvolsu4.2012.2.12.
- Рабуш Т.В.* Позиция Ирана в отношении афганского военного конфликта в 1978–1979 гг. // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Всеобщая история. 2021. Т. 13, № 1. С. 7–20. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-7-20.
- Сенников А.И.* Курдский вопрос в ближневосточной политике администрации Дж. Картера в 1979–1980 гг. // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2020. № 63. С. 96–103.
- Сенников А.И.* Курдский вопрос в политике администрации Дж. Картера в контексте Иранской революции (1977–1980 гг.) // США & Канада: экономика – политика – культура. 2019. № 10. С. 78–97.
- Becoming Enemies: U.S.–Iran Relations and the Iran-Iraq War, 1979–1988 / ed. by James G. Blight. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2014. 408 p.
- Bozarslan H.* Dark Times: Kurdistan in the Turmoil of the Middle East, 1979–2003 // The Cambridge History of the Kurds / ed. by H. Bozarslan, G. Gunes, V. Yadirgi. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2021. P. 269–288.
- Cabi M.* The Roots and the Consequences of the 1979 Iranian Revolution: a Kurdish Perspective // Middle Eastern Studies. 2020. Vol. 1, iss. 20. P. 339–358. DOI:10.1080/00263206.2020.1722651.
- Emery C.* US Foreign Policy and the Iranian Revolution: The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. 267 p.
- Ezzatyar A.* The Last Mufti of Iranian Kurdistan: Ethnic and Religious Implications in the Greater Middle East. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 246 p.

Gasiorowski M. US Intelligence Assistance to Iran, May–October 1979 // *Middle East Journal*. 2012. Vol. 66, no. 4. P. 613–627.

Glad B. *An Outsider in the White House: Jimmy Carter, His Advisors, and the Making of American Foreign Policy*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2009. 414 p.

Gunter M. Iran's Forgotten Kurds // *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*. 2020. Vol. 43, no. 2. P. 54–67. DOI: 10.1353/jsa.2020.0009.

Hassaniyan A. *Kurdish Politics in Iran: Crossborder Interactions and Mobilisation since 1947*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2021. 256 p.

McDowall D. *A Modern History of the Kurds*, 4th Edition. London: I.B. Tauris, 2021. 728 p.

Zegart A. *Spies, Lies, And Algorithms: The History and Future of American Intelligence*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2022. 424 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 21.09.2022

THE U.S. IN SEARCH OF AN ANSWER TO THE IRANIAN CHALLENGE: THE KURDISH CASE, NOVEMBER–DECEMBER 1979

V. T. Yungblud

Vyatka State University, Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia

valerteod@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2706-3904

ResearcherID: J-8665-2016

Scopus Author: 57189852953

A. I. Sennikov

Vyatka State University, Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia

usr12154@vyatsu.ru

ORCID: 0000-0001-9329-2839

ResearcherID: I-4292-2018

As a result of the capture of the American embassy by supporters of the supreme leader of the Islamic Republic of Iran, Ayatollah R. Khomeini, the U.S. lost the chances for a quick restoration of its positions in the Middle East. The events unfolding in Tehran demanded a serious and balanced response from the administration of John Carter. Under these conditions, the American government and its analytical structures began to look for tools to influence and put pressure on the Islamic regime. One of the potential levers of American policy could be the Kurdish issue, which was again openly put on the agenda after the Islamic revolution of 1978–1979. The potential of the Iranian Kurds in terms of countering the Khomeini regime, their controllability and the conformity of their struggle with U.S. interests have become the subject of analytical work of the state services. The article examines the place and role of the Kurdish question in the search for U.S. responses to the challenges of the Iranian crisis caused by the capture of the U.S. embassy in November 1979. Based on a wide range of documents from the U.S. National Archives, the John Carter Presidential Library, the State Department, the Central Intelligence Agency and the Council of National U.S. security, the author traces the course of developing a policy towards Iran and a position regarding the national movement of Iranian Kurds. The context of regional policy and the influence of the Afghan issue on the Iranian course of Washington are also traced. As a result of the development of decisions, the line of Secretary of State S. Vance prevailed, demanding to refrain from active aggressive actions against Iran, to ignore the Kurdish movement. The entry of Soviet troops into Afghanistan also had an impact, turning the entire political situation in the Middle East upside down.

Key words: USA, Islamic Republic of Iran, Kurdish Question, Afghanistan, hostages, covert operations.

Acknowledgments

¹ The study was funded by the Russian Science Foundation, project № 22-78-10179.

References

- Agaeв, S.L. (1986), *Iranskaya revolyutsiya, SShA i mezhdunarodnaya bezopasnost': 444 dnya v zalozhnikakh* [Iranian Revolution, US and International Security: 444 Days of Hostage], Nauka, Moscow, USSR, 350 p.
- Arabadzhyan, A.Z. (ed.) (1989), *Iranskaya revolyutsiya 1978–1979: Prichiny i uroki* [Iranian Revolution 1978–1979: Causes and Lessons], Nauka, Moscow, USSR, 557 p.
- Belyaev, I.P. (1980), “U.S.-Iranian Issues Knot”, *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, vol. 2, pp. 48–58.
- Blight, J.H. (ed.) (2014), *Becoming Enemies: U.S.-Iran Relations and the Iran-Iraq War, 1979–1988*, Rowman & Littlefield Publishers, New York, USA, 408 p.
- Bozarslan, H. (2021), “Dark Times: Kurdistan in the Turmoil of the Middle East, 1979–2003”, in Bozarslan, H., Gunes, G. & V. Yadirgi (eds.), *The Cambridge History of the Kurds*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 269–288.
- Cabi, M. (2020), “The roots and the consequences of the 1979 Iranian revolution: A Kurdish perspective”, *Middle Eastern Studies*, vol. 1, iss. 20, pp. 339–358.
- Emery, C. (2013), *US Foreign Policy and the Iranian Revolution: The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance*, Palgrave Macmillan, New York, USA, 267 p.
- Ezzatyar, A. (2016), *The Last Mufti of Iranian Kurdistan: Ethnic and Religious Implications in the Greater Middle East*, Palgrave Macmillan, New York, USA, 246 p.
- Gasiorowski, M. (2012), “US Intelligence Assistance to Iran, May–October 1979”, *Middle East Journal*, vol. 66, № 4, pp. 613–627.
- Glad, B. (2009), *An Outsider in the White House: Jimmy Carter, His Advisors, and the Making of American Foreign Policy*. Cornell University Press, Ithaca, New York, USA, 414 p.
- Gunter, M. (2020), “Iran's Forgotten Kurds”, *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*, vol. 43, № 2, pp. 54–67.
- Hassaniyan, A. (2021), *Kurdish Politics in Iran: Crossborder Interactions and Mobilisation since 1947*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 256 p.
- Kremen'yuk, V.A. (1984), *Bor'ba Vashingtona protiv revolyutsii v Irane* [Washington's Struggle against the Revolution in Iran], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, USSR, 176 p.
- McDowall, D. (2021), *A Modern History of the Kurds, 4th Edition*, I.B. Tauris, London, UK, 728 p.
- Murtazaeva, G.R. (2012), “Iranian Revolution of 1979 and Soviet-American Relations”, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 2 (22), pp. 84–90.
- Rabush, T.V. (2021), “Iran's position on the Afghan military conflict in 1978–1979”, *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya*, vol. 13, iss. 1, pp. 7–20.
- Sennikov, A.I. (2018), “The Kurdish Question in the Middle East Policy of the Administration of J. Carter in 1977–1978”, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, vol. 1, pp. 41–47.
- Sennikov, A.I. (2019), “The Kurdish Question in the Policy of the J. Carter Administration in the Context of the Iranian Revolution (1977–1980)”, *SShA & Kanada: Ekonomika – politika – kul'tura*, vol. 10, pp. 78–97.
- Sennikov, A.I. (2020), “The Kurdish Question in the Middle East Policy of the Administration of J. Carter in 1979–1980”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, vol. 63, pp. 96–103.
- Sennikov, A.I. (2021), “American-Iraqi relations and the Kurdish question in 1972–1975”, *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, vol. 4 (24), pp. 36–43.
- Vorob'eva, T.A. & V.T. Yungblyud (2016), “Afghanistan in the policy of the USSR and the USA in 1979”, *Vo-prosy istorii*, vol. 10, pp. 105–125.
- Vorob'eva, T.A. & V.T. Yungblyud (2019), “The US is losing an ally in the Middle East: The policy of the J. Carter administration towards Iran, 1977–1980”, *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*, vol. 10, iss. 3 (77), 16 p.
- Zegart, A. (2022), *Spies, Lies, And Algorithms: The History And Future Of American Intelligence*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA, 424 p.